

Глава 1

Мюнхен, 4 декабря

Лео нет. Лео нет. Лео нет.

Эти два слова — единственное, о чем я могу думать. Они гудят в моей голове, словно оглушительные басы в ночном клубе, беспрестанно и настойчиво — невозможно пропустить мимо ушей.

Я оставила его в прошлом. Он лежал на земле раненый, истекающий кровью и ослабевший; и, что самое худшее, моя попытка перенести его в настоящее привела к тому, что я его потеряла. Портал, в который я его втянула, не только не вернул, но и выплюнул его где-то на полпути. Если бы только все получилось, он был бы сейчас здесь. Со мной.

Но вместо этого он... где-то там.

Я впиваюсь дрожащими пальцами в бедра через влажную ткань платья, но почти не чувствую боли. Ничто не способно прорваться сквозь гул моих мыслей.

Лео нет.

Только что мы с ним были в Риме 1500 года. Кажется, что еще минуту назад спускались в подземный акведук, чтобы освободить Чезаре Борджиа из лап Люция... У нас получилось: мы спасли Чезаре от утопления, предотвратив безвозвратное изменение хода истории. Но какой ценой? Зодиак Лео был утерян навсегда... Люций просто вырвал его из тела наживую.

До боли зажмурив глаза, я снова переживала момент, когда Люций приставил нож к запястью Лео. Его крик разорвал меня на части... Как он призывал меня возвращаться назад одной. Без него.

Лора, моя лучшая подруга, все еще стоящая передо мной на коленях вместе с моим братом, утягивает меня в свои объятия. До этого она не решалась прикоснуться ко мне. Вероятно, я слишком напугала ее своим внезапным появлением в коридоре — окровавленная и в слезах. Но сейчас она прижимает меня к себе, безудержно всхлипывая, и я позволяю себе утонуть в этих спасительных объятиях.

Лора продолжает гладить меня по спине, нашептывая какие-то успокаивающие глупости, от которых я начинаю рыдать только сильнее. Слезы жгут глаза кислотой, но легче не становится. В какой-то момент я все же отрываюсь от Лоры, утирая рукавом мокрое лицо, чтобы заметить, с каким ужасом на меня глядит Пауль. Он бледнее обычного, с трясущимися руками, прожигает взглядом дыру в моем теле, где на платье расплзается огромное темное пятно крови.

— Нужно срочно осмотреть рану, — чуть заторможенно произносит он. — Лора, поможешь мне?

Хранительница небес

Ему явно неловко раздевать собственную сестру, но Лора быстро схватывает и принимается расстегивать лиф, чтобы они могли осмотреть рану. У меня словно онемело все тело: я, вероятно, и открытый перелом бедра сейчас бы не почувствовала. Тихо чертыхаясь, Лора возится с влажной тканью, угождая в ловушки старомодного лифа — из-за которого я и сама вечно раздражалась, раздеваясь без чьей-либо помощи, — но в конце концов ей удается расшнуровать верх и обнажить тонкое нижнее платье. На белой ткани пятна крови выделяются еще отчетливее, и, решительно схватившись за прореху, оставленную кинжалом, Пауль ее разрывает.

Лора опускается передо мной на колени рядом с Паулем, и в ее испуганном взгляде буквально читается: «Подружка, ты очень плохо выглядишь», но меня это не волнует. Мне не оставили зияющей раны на горле и не изрезали запястье в попытке отнять зодиак — моя рана ничто по сравнению с тем, что произошло с Лео.

Мне хочется сжаться в комочек от бушующей боли внутри, но Пауль удерживает меня за плечо, сосредоточенно рассматривая рану, а после переводит взгляд на Лору, склонившуюся надо мной так, что ее нос едва ли не утыкается мне в ребра.

— Ты... как?

Постепенно заражаясь их беспокойством, я изумляюсь: насколько, должно быть, ужасно выглядит это ранение, если они так реагируют. Неужели травма все-таки серьезнее, чем я предполагала?

— А что такое? — вместо слов из моего горла вырываются невнятные хрипы. Пауль закусывает губу, подбирая слова помягче.

Марина Флоймайер

— Когда тебя так пырнули? — наконец спрашивает он.

Я не совсем понимаю его вопрос: вся моя одежда пропиталась кровью, которая еще не успела запечься, и было видно, что рана совсем свежая.

— Незадолго до моего возвращения. — Я усилием воли выгоняю из своей головы образы грота, от которых снова хочется разрыдаться.

— Просто хотел убедиться, — бормочет Пауль, — потому что рана уже заживает... Края почти сомкнулись и... — Он замолкает, продолжая смотреть на мой бок полным неверия взглядом.

— Это что, чешуйки? — встревает Лора. — Как у... змеи...

— Что?

Я порываюсь вскочить, чтобы посмотретья в зеркало, но головокружение заставляет меня, тяжело дыша, осесть обратно на пол.

— Прекрати, посиди спокойно! — предупреждающе осаждает меня Пауль. — Ты и так потеряла много крови, к тому же еще не отошла от шока.

И пусть слово «шок» даже близко не описывает мое состояние, я послушно остаюсь на месте.

После того как головокружение немного отступает, я осторожно осматриваю свой торс. Для этого приходится извернуться, но, когда наконец вижу рану через дыру в нижнем платье, у меня перехватывает дыхание. Там, где по всем законам физиологии должна находиться рваная рана, уже натянулась тоненькая свежая кожа. Гладкий край покрыт струпьями, и, если присмотреться, это действительно похоже на сухие чешуйки, отслаивающиеся от кожи, словно у линяющей

Хранительница небес

рептилии. Да, Лора оказалась абсолютно права, сравнив меня со змеей...

Меня охватывает приступ иррационального страха. Это выглядит совершенно ненормально: мало того что рана затянулась с безумной скоростью, так еще и эта чешуя, ничего общего не имеющая с отмершими клетками человеческой кожи.

— Странно, — сухо резюмирует Пауль и задумчиво покачивает головой. — Возможно, мне следует взять образец кожи для изучения. Это и в самом деле любопытно...

— Пауль! — фыркает Лора, шлепая его по руке. — Ты вообще слышал, что она сказала?! Лео, возможно, безвозвратно застрял в прошлом, так что, пока у Розали не раздвоится язык и зрачки не сузятся, эти странности с кожей могут и подождать. — Она замолкает ненадолго, прежде чем подытожить: — Нет, не так: все сейчас может подождать.

С решительным блеском в глазах она поднимает меня на ноги под озабоченным взглядом Пауля, а затем, осторожно приобняв за талию, мягко подталкивает в сторону ванны и демонстративно защелкивает за нами дверной замок.

— У тебя вся одежда в крови... — Сморщив нос, она помогает мне окончательно избавиться от платья, которое теперь больше смахивает на мусорный мешок. Я обхватываю себя руками в попытке согреться: холод римских вод из акведука Виа дель Назарено все еще пронзает до костей.

— Тебе нужно принять душ, — мягко сообщает Лора. — Ты сама справишься или мне помочь?

То, как трогательно она заботится обо мне, заставляет глаза снова наполниться слезами. Лора не из тех,

Марина Флоймайер

кто будет как мамочка-наседка носиться за тобой, но сейчас она в точности предугадывает все, что мне нужно. Никаких разговоров и размышлений — только горячий душ.

— Спасибо, я справлюсь.

Она ободряюще улыбается.

— Я оставлю дверь в гостиную открытой, ты кричи, если что-то понадобится!

Она вручает мне чистое полотенце и выходит из ванной, а я, дрожа всем телом, забираюсь в душевую кабину и включаю горячую воду. Последний раз я была в душе больше двух недель назад, когда вернулась из своего месячного путешествия во Флоренцию. Тогда я с нетерпением ждала момента, чтобы провести наконец пару спокойных дней, не выходя из дома. Сегодня я тоже вернулась из прошлого, но ощущалось все иначе.

Пытаясь убежать от настойчивых мучительных мыслей, я беру первую попавшуюся бутылку и уже собираюсь намылить голову, как замечаю, что это шампунь Пауля. Но у меня не хватает сил даже закатить глаза, вместо этого я медленно сползаю по холодной кафельной плитке на пол, позволяя горячей воде стекать по мне водопадом. Глаза горят от слез, а горло так сжато, что едва получается дышать.

Я безвозвратно потеряла частичку себя там, в подземном акведуке. Частичку, отсутствие которой я осознаю в полной мере, когда Люций придет и за мной. Связь с Лео была неотъемлемой частью наших зодиаков, а теперь она была разорвана. И я чувствую себя так, словно у меня отняли часть тела. Нет, орган. Что-то жизненно важное, без чего я не ощущаю себя цельной.

Хранительница небес

Интересно, как с этим справляется Лео?

Мой зодиак еще со мной, в то время как Лео потерял вообще все и остался где-то в прошлом совсем один.

Не отравила ли я их с Люцием в одно и то же место? Оставит ли Люций его в живых теперь, когда он бесполезен без своего зодиака? Или травмы Лео в принципе не совместимы с жизнью?

Изо всех сил закусив костяшки пальцев, я подавляю отчаянный вопль боли, поднимающийся во мне от этих мыслей.

Когда выхожу из ванной, через приоткрытую дверь я слышу тихие разговоры Лоры и Пауля, но почему-то не могу заставить себя присоединиться к ним и ответить на все интересующие вопросы. Они желают мне только добра и заслужили получить свои ответы, но сейчас мне хочется сбежать от этих неизбежных расспросов. И, вместо того чтобы напомнить о себе, я осторожно проскальзываю в свою комнату и падаю на кровать прямо так, в полотенце: на поиск пижамы попросту не остается сил. Закутавшись поплотнее в полотенце, я неуклюже натягиваю покрывало на влажное после душа тело, и меня окутывает знакомый аромат кондиционера для белья, обманывая, заставляя думать, что все в порядке. Сердцебиение наконец-то успокаивается, и я проваливаюсь в сон, оставляя все свои тягостные мысли на потом.

Глава 2

Мюнхен, 5 декабря

Просыпаясь, я словно вынырываю на поверхность из бескрайне глубокого, зловещего океана. Сон пытается удержать меня там, внизу, где темно и спокойно, но мое тело неумолимо дрейфует наверх.

Я еще не успела открыть глаза, но уже знаю, что реальность этого утра мне не понравится. В груди ноет от тупой, мучительной боли, которая сопровождала меня даже во сне. Но стоило мне проснуться, и она наводнила мои ребра оглушительной волной. События вчерашнего дня обрушиваются на мою гудящую голову, и я сворачиваюсь в комочек с тихим стоном. Картинки из грота проносятся перед глазами, голос Лео отдается отдаленным эхом в ушах, который призывает меня убираться в безопасное место.

Я в отчаянии зарываюсь лицом в подушку, чтобы отгородиться от этих воспоминаний, однако у меня

Хранительница небес

так и не получается отогнать жуткие образы, возникающие перед внутренним взором. Поэтому продолжаю лежать, парализованная виной и паникой, уставившись в одну точку и позволяя сценам из прошлого снова и снова проигрываться в голове. Я осознаю, что должна встать с кровати и заняться чем-то полезным, а не лежать, осыпая себя бесконечными упреками. Но с того момента, как у Лео отобрали зодиак, все силы разом покинули меня.

В конце концов подняться с постели меня заставляют две вещи: ноющий мочевого пузыря и настойчиво рычащий желудок — и, перекатившись на бок, я все-таки свешиваю ноги с кровати. Каждая клеточка в теле болит так, словно по мне проехался асфальтоукладчик. Все еще завернутая в махровое полотенце, я нашариваю руками комод и вслепую хватаю первое попавшееся нижнее белье, спортивные штаны и свитер. Вид из окна серый и неуютный, и я невольно задаюсь вопросом: какой сейчас месяц? За два продолжительных путешествия в прошлое я совершенно утратила чувство времени, так что, кто знает, может быть, уже предверие Рождества или Нового года. Но арифметические расчеты в уме быстро наскучивают, и я оставляю это на потом: для меня сейчас важнее побыстрее оказаться в ванной.

Через пятнадцать минут, закончив с умываниями, я делаю глубокий вдох и направляюсь по коридору в гостиную. Электронные часы в ванной показывают одиннадцать утра, и Пауль наверняка уже проснулся. Нам предстоял серьезный разговор, а не те жалкие попытки, что я пыталась выдать вчера, сдерживая рыдания. Ноги не хотят нести меня в гостиную, пальцы сводит от хо-

лода, но я не могуечно избежать Пауля. Возможно, он сможет придумать что-то, что мне поможет.

Пауль действительно уже сидит за обеденным столом с телефоном в руке и кофейной чашкой рядом. Его светло-русые волосы беспорядочно торчат дикими вихрами, и от того, насколько нормально и знакомо это выглядит, я тихо вздыхаю. Он оборачивается на этот звук, сканируя меня озабоченным взглядом. С моего места его темные круги под глазами кажутся особенно жуткими, а еще он до невозможности бледен. Виновато закусив нижнюю губу, я отчетливо понимаю, что это моя вина: в последнее время я и правда была не лучшей сестрой.

— Привет, — нарушает молчание Пауль. — Позавтракаешь со мной?

Дотасившись до своего привычного места, плюхаюсь на стул. Позади раздается грохот, и из кухни выплывает Лора с двумя дымящимися чашками. Ничего себе, она все еще здесь?

— Во время твоего отсутствия я частенько оставалась у вас, — чуть нервно оправдывается она. Лора никогда не нервничает. Но я с благодарностью принимаю кофе, невозмутимо пожимая плечами.

— Я рада, что ты была рядом и Пауль не был один все это время.

Эти двое переглядываются, но я слишком занята тем, что делаю первый осторожный глоток своего кофе, предпочитая не обращать внимания на их странное поведение. М-м-м... Я едва не обжигаю язык, но оно того стоит. Кофе поистине эликсир жизни.

— Как твоя рана? — спрашивает Пауль.

— Почти как новенькая.

Хранительница небес

Пока я одевалась, успела внимательно осмотреть рану на боку в зеркало. За ночь она полностью зажила и не требовалось даже заклеивать ее пластырем. Это скорое выздоровление по-прежнему кажется мне довольно жутким: со мной никогда не происходило ничего подобного. Я поглядываю на Пауля в ожидании, что он хоть как-то объяснит, что со мной происходит и почему мои раны затягиваются так неестественно быстро. Но Лора бросает на него предостерегающий взгляд, а затем подрывается и принимается накрывать на стол. Вообще-то, по-хорошему, я должна предложить ей свою помощь: в конце концов это мой дом, но я только и могу, что сидеть как вкопанная и наблюдать, как она ставит на стол масло, джем и бумажный пакет из булочной. У меня аж рот наполняется слюной при взгляде на логотип — нет ничего лучше свежих французских круассанов «Буланжери». Из лучшей пекарни в Мюнхене! Они что, специально ездили за ними ради меня?..

От этого глаза снова наполняются слезами, но я смагиваю влагу с ресниц, а Пауль невозмутимо кладет мне на тарелку золотисто-коричневый маслянистый источник блаженства. За последние несколько недель я успела привыкнуть к кухне эпохи Возрождения, но она не идет ни в какое сравнение с этими круассанами.

Я с жадностью отламываю кусочек изделия, отправляю в рот и с наслаждением жую, пытаюсь игнорировать бьющуюся на подкорке мысль: я сижу здесь со своим кофе и свежим круассаном, в то время как Лео застрял где-то в прошлом раненый. А возможно, уже и мертвый.

Нежнейший круассан у меня во рту будто превращается в опилки, и, как ни стараюсь, проглотить его не

получается. Я вообще перестаю чувствовать вкус еды, когда в моей голове всплывает картинка с Лео, лежащим на дне грота с окровавленным горлом. О боже, нет!

Желудок сжимается спазмом, но я, давась, все-таки проглатываю свой несчастный кусок круассана.

— Что случилось? — настороженно спрашивает Лора.

— Лео... — всхлипываю я и заливаюсь слезами над своим круассаном. Лора подрывается со своего кресла и огибает стол, чтобы обнять меня со спины. Уткнувшись подбородком в мою макушку, принимается нашептывать мне успокаивающие слова, пока я сотрясаюсь в рыданиях. — Я потеряла его, — вырывается навзрыд, когда истерический спазм немного отпускает.

— Ш-ш-ш... ш-ш-ш... — тихо мурлычет Лора. — Наверняка еще ничего не потеряно. Попытайся рассказать нам все по порядку. Что произошло?

Я благодарно принимаю у нее салфетку и оглушительно высмаркиваюсь, а потом поднимаю глаза на Пауля. Он выглядит таким беспомощным, что, кажется, вот-вот разрыдается вместе со мной. Это заставляет меня немного выдохнуть и срывающимся голосом начать свой рассказ. Лора и Пауль ни разу не перебивают меня, пока я пытаюсь облечь в слова последние несколько недель, начав с нашей ссоры на веранде профессора Киппинга, с которой все и закрутилось. Я рассказываю о том, как сломя голову ломанулась в портал, не подумав; о своей встрече с Леонардо да Винчи и о том, как отправила его в неизвестность, пытаюсь спасти от Люция; и до момента освобождения из заложников Чезаре Борджиа. И, конечно, о событиях в акведуке. Вообще обо всем. И чем больше я говорю, тем сложнее мне

Хранительница небес

осознавать, что все уместилось в две недели в Риме. Что я так и не попрощалась с людьми, которые были ко мне добры, помогали и даже успели привязаться. Безусловно, Анджело поймет, что произошло, но остальные так и будут недоумевать: Галатея и ее стервозные девицы, да тот же Леонардо! И мне хотелось бы провести еще немного времени с Чезаре Борджиа — убедиться, что он благополучно вернулся к своей сестре Лукреции, и помочь ему придумать безобидное объяснение своего двухнедельного отсутствия, которое не имело бы никакой связи с похищением неуравновешенным путешественником во времени... В конце концов, до вмешательства Люция в биографии Чезаре Борджиа не предусматривалось никакого похищения, уж я бы об этом знала.

Лора и Пауль некоторое время молча переваривают мой рассказ, пока я продолжаю потягивать кофе. Заново пережив эту историю, я чувствую себя жутко измученной: веки словно наливаются свинцом. Ничего не хочется так сильно, как забраться под теплое одеяло и уснуть.

Пауль тянется по столу к моей руке и крепко сжимает в своей ладони.

— Мне так бесконечно жаль, что это случилось с Лео, — произносит он настолько искренне, что я буквально чувствую его равнодушие не только ко мне, но и к Лео.

Поскольку мы почти все время провели в прошлом, Паулю так и не выдался шанс познакомиться с ним поближе. И знания моего брата о Лео ограничивались только моими первыми впечатлениями... Сложившиеся еще во времена, когда Лео вел себя как высокомерный

осел. Поэтому сейчас его искреннее беспокойство за судьбу моего парня трогает до глубины души.

— Ты помог ему, когда я сбежала в Рим, — произношу я с вопросительной интонацией, и Пауль кивает.

— Знаешь, я был к нему предвзят. Не только из-за того, как он относился к тебе, но и из-за его появления в Ордене. Но когда в тот день он вернулся с виллы Киппинга и объявил, что ты ни с того ни с сего прыгнула в прошлое, он выглядел так, словно собирался перетряхнуть все время и пространство, чтобы найти тебя. Я не знаю, что он сказал или сделал, чтобы заставить тебя так необдуманно поступить, но он выглядел жутко виноватым. Рвал и метал, когда не смог сразу последовать за тобой. Видимо, он действительно что-то чувствует к тебе, раз готов был горы свернуть, чтобы добраться до тебя.

В глазах снова застыли слезы, и мне пришлось трянуть головой. Это прозвучало так безумно трогательно, но я не могла поступить в точности как Лео, пусть теперь и понимала его чувства в тот момент. Ситуации практически идентичные. Если бы я знала, где он находится, ломанулась бы к нему моментально и никто и ничто не помешало бы мне. От состояния беспомощности мне хочется кричать и рыдать.

Подперев голову рукой, я напряженно пытаюсь найти другую тему для разговора, чтобы мои мысли и дальше не втягивало в тот зловещий водоворот.

— Ты что-нибудь слышал об Ордене? — интересуюсь я.

— Да, вчера вечером. Хотел рассказать тебе сразу, как проснешься. — Я поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом. — Табула появилась снова. Так же внешне и необъяснимо, как и исчезла.